

А. М. ШАБАНОВА

**ОТДЕЛЬНЫЕ, ОТПИСНЫЕ И ОБЫСКНЫЕ КНИГИ КАК
ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.**

(по материалам Обонежья)

Важнейшим источником по социально-экономической истории России XVI—XVII вв. являются писцовые книги. О значении писцовых книг как исторического источника много писали и спорили буржуазные историки. Они же обратились к их изучению. В советской историографии вплотную занялись исследованием материалов писцового делопроизводства в 60—70-е гг., когда началась широкая разработка социально-экономической истории России XVI в.¹ Наиболее массовый материал по Северо-Западу России второй половины XVI в. дают писцовые книги 1563—1566 и 1582—1585 гг., охватывающие территорию всех новгородских пятин.² Писцовые книги второй половины XVI в. по своему формуляру схожи с писцовыми книгами конца XV—первой половины XVI в. В них дается перечисление поместий, деревень и дворов — жилых и пустых, размеров жилой и пустой пашни, сенокосов, лесных угодий, числа крестьян. В писцовых книгах 1582—1585 гг. отсутствуют лишь данные старого письма, сопоставление старого письма с новым. Если в описаниях 1563—1566 гг. фиксируются оброки, взимавшиеся всеми категориями владельцев, то в 1582—1585 гг. писцы ограничиваются указанием оброков только для черносозных волостей. Скудость сведений писцовых книг 60—80-х гг. требует неперменного их восполнения другими источниками. Среди такого рода источников большую ценность представляют отдельные, отписные и обыскные книги — документы, составленные в момент наделения помещьем или передачи владения другому лицу, в момент отписки его в казну. Отписке помещья на государя или передаче его новому владельцу обычно предшествовал обыск, в результате которого выяснялось, кому прежде принадлежало помещье и по каким причинам оно запустело. Одновременно составлялось несколько документов: обыскная и отдельная книги, если запустевшее помещье целиком передавалось новому лицу; обыскная, отдельная и отписная книги, если новому владельцу передавалась лишь часть помещья, а другая отписывалась на государя, и обыскная, и отписная книги, когда помещье отписывалось на государя. По новгородским пятинам сохранился комплекс отдельных, обыскных и отписных книг второй половины XVI в. Часть их была опубликована Д. Я. Самоквасовым, главным образом по Шелонской, Водской и Бежецкой пятинам. В публикацию Самоквасова вошли разрозненные документы из отдельных, отписных и обыскных книг Обонежской пятины 70—80-х гг. XVI в.³ Значительный массив отдельных, отписных и обыскных книг, относящихся к Обонежской пятине, не опубликован и хранится

в фонде Поместного приказа ЦГАДА. Документы сброшюрованы в две объемистые тетради, включающие материалы обысков, отделов и отписей поместий в погостах Обонежской пятины преимущественно за 70—80-е гг. XVI в.⁴ В 1572 и 1580 гг. правительство предприняло сплошные обыски земель в погостах Нагорной половины. Часть обыскных книг сохранилась.⁵

Отделы, отписи и обыски проводились на основании государевых грамот по наказам, грамотам, а также по выписям из государевых грамот дьяков Великого Новгорода. Осуществляли их губные старосты или новгородские подьячие при обязательном участии выборных волостного мира — старост, целовальников, сотских, пятидесятских, десятских и волостных крестьян. Их присутствие было обязательным при составлении книг, подлинность которых подтверждалась рукоприкладством представителей администрации, священника и волостных людей.

Формуляр отдельных и отписных книг довольно подробен. По полноте сведений эти источники выгодно отличаются от писцовых книг второй половины XVI в. При описании поместий перечисляются деревни, дворы и крестьяне, в них живущие, приводятся сведения о надельной пашне, о количестве сена в покосах, о подсечных пашнях, отхожих угодьях. Вся учтенная земля была положена в обжи, но встречаются сведения о размерах посевной площади в деревнях, количестве высеянного зерна. Иногда даются описания усадищ с подробным перечислением всех видов строений, сведения о размерах господской пашни, доходах феодалов. Правда, данные источников не систематичны. Не все они отличаются одинаковой полнотой. Но содержащиеся в них материалы представляют большую ценность, так как позволяют оживить и конкретизировать скудные сведения писцовых книг, заполнить хронологические лакуны между переписями. Существенным недостатком отдельных, отписных и обыскных книг является статичность сообщаемых данных. Они фиксируют состояние крестьянских и помещичьих хозяйств в момент составления документа. Но нередко удается проследить изменения, происходящие в поместьях на протяжении длительного периода. Одни и те же владения в течение 70—80-х гг., запустевая, не раз передавались новым помещикам, что приводило к появлению соответствующей документации. Эти материалы в сочетании со сведениями писцовых книг конца XVI—начала XVII в. позволяют воссоздать более детально картину развития феодального хозяйства в указанный период.

Отдельные, обыскные и отписные книги неocenимы при изучении феодального землевладения. Содержащиеся в них массовые данные дают возможность определить владельцев поместий, дать характеристику отдельным прослойкам служилого дворянства, выявить тенденции в развитии поместного землевладения, проследить процесс мобилизации земельной собственности, структуру поместного землевладения:

Состав помещиков Обонежской пятины и мобилизация земельной собственности в 70-х гг. XVI в.—1620 г.

Годы	Число учтенных поместий	Осталось у тех же владельцев	Перешли к потомкам	Перешли к пред- ставителям других фамилий
От 1570-х до 1582 г.	162	33 (20.4%)	67 (41.4%)	62 (38.2%)
От 1582 до 1620 г.	74	10 (13.5%)	56 (75.7%)	8 (10.8%)

Наблюдения над составом помещиков Обонежской пятины по отдельным, отписным и обыскным книгам 70—80-х гг. XVI в., писцовым книгам 1583 и 1620 гг.⁶ показали, что в 1583 г. 61.8% учтенных владельцев являлись прямыми потомками помещиков 1570-х гг., а в начале XVII в. этот слой помещиков относительно 1583 г. составил 89.2%. Полученные сведения позволяют заключить, что степень мобилизации земельной собственности в Обонежской пятине во второй половине XVI—начале XVII в. была незначительной. В пятине существовал прочный слой помещичьих фамилий, которые из поколения в поколение наделялись землями в том или ином, но почти всегда определенном районе, где жили их отцы или родственники. В писцовых книгах начала XVII в. встречаются представители фамилий Качаловых, Корсаковых, Белеутовых, Судаковых, Скобельцыных, Унковских, Молевановых, Мордвиновых, Мокеевых, Обернибесовых и др., которые известны нам по отдельным, отписным и обыскным книгам 70—80-х гг. XVI в. Более того, Белеутовы, Судаковы, Скобельцыны имели поместья в Обонежской пятине уже в середине XVI в. В сохранившемся отрывке писцовой книги по Обонежью 1563 г. А. Лихачева записаны в Мегорском погосте поместья братьев Ивана и Никифора Алферьевых д. Белеутова. 11 представителей рода Скобельцыных имели поместья в двух погостах — Ярославичах и Мегорском, 7 — из рода Сомовых—Судаковых — в разных погостах Заонежья. Причем в 1563 г. в поместьях проживало уже второе поколение этих фамилий. Андрей Обрютин и Агей Нечаев — дети умерших к тому времени Обрютина и Нечая Судаковых; 2 волостки были за вдовами Обрютина и Нечая — Домной и Аленой. За Путилом Прокофьевым с. Скобельцына числилось отцовское поместье.⁷

Отдельные и отписные книги Обонежской пятины, фиксируя наличие господской пашни во всех поместьях, дают дополнительный материал для ее изучения. Специфика источников такова, что они содержат сведения о господской пашне не в целом по поместью, а только по отделенной или отписанной его части. Но и эти данные очень ценны, так как позволяют выявить размеры барской запашки в пределах отдельных волосток, соотношение барской запашки с крестьянской пашней. В тех случаях, когда поместье целиком передавалось новому владельцу, можно определить точные размеры домениальной пашни.

Наиболее распространенной была господская пашня в 1.5—2 обжи. Она характерна для поместий размером в 15—20 обж.⁸

В более крупных владениях ее размер обычно увеличивался. Например, у Афанасия Дмитриева с. Рязанова в 1578 г. в поместье было 37,5 обжи. Господская запашка по отдельной книге равнялась 4 обжам.⁹ У дьяка Андрея Клобукова в 1576 г. было поместье в 40 обеж. Господская запашка составляла около 3 обеж.¹⁰ В целом же господская пашня в 70-х гг., по сведениям отдельных, отписных и обыскных книг, занимала 11% живущих обеж.

Рассматриваемые источники позволяют проследить нарастание кризисных явлений в помещичьих хозяйствах Обонежья. Кризис начинает ощущаться уже в 70-х гг. XVI в. Одним из его проявлений стала неполная запашка помещиками усадебных земель. Именно этим можно объяснить резкие колебания в величине высева на 1 обжу господской пашни, отмечаемые отдельными и отписными книгами. Даже в одном и том же погосте в разные годы величина высева на 1 обжу господской пашни была различной. В 1576 г. в Антоньевском погосте на р. Волхове, в селе Змейском дьяк А. Клобуков, а затем дьяк Постник Хворощин, которому было передано поместье, сеяли на 1 обжу 4 чети ржи, т. е. обсевали площадь усадища не полностью.¹¹ В 1578 г. в том же селе засев на господской пашне увеличился до 10 четвертей на 1 обжу, что свидетельствует о засеве в 1578 г. всей пахотной земли усадища.¹²

Данные обыскных и отписных книг конца 70-х гг. XVI в. рисуют картину прогрессирующего запустения поместий. Обыскные книги 1580 г., отмечая запустение усадищ, объясняют его записями такого рода: «служит государеву службу», «убит», «взят в плен», «взят государю во двор», «сшел безвестно», «ходит меж дворы», «умер». Обыск 1580 г. в погостах Нагорной половины ставил задачей выявить вышедшие из службы и запустевшие поместья. В течение сентября и октября подьячие Собина Ярлыков и Иван Бухвостов по указу царя и по памяти государевых дьяков Ильи Осеева и Третьяка Репьева уточняли в каждом погосте число неслужилых детей боярских, вдов, недорослей, «порожжих поместий и за кем те порожжие земли преж сего были и которые дети боярские побиты или в полон взяты и которые померли своею смертию и теми поместьями и порожжими землями хто ныне владеет».¹³

Помещики, сохранившие за собой поместья, продолжали сокращать запашку в усадищах. Сведения обыскных книг 1580 г. по 9 погостам Нагорной половины показывают, что многие усадища запустели, а средний размер господской запашки снизился до 0,5 обжи на усадище. Вероятно, уменьшение господской запашки в действительности было менее значительным, ибо специфика источника не позволяет рассмотреть владение каждого помещика в целом. Но эти сведения показательны, так как отражают общую картину изменений, происходивших в поместных хозяйствах в период нарастания кризиса.

Исучаемые источники содержат материал, позволяющий более точно ответить на вопрос, кем обрабатывалась господская пашня, — вопрос, по которому исследователи высказывают разные

суждения.¹⁴ Во всех случаях, когда речь идет о господской пашне, писцы употребляют выражения «пашет на себя», «пашут на помещика», «пашут усадище на него люди его и бобыли». При этом нередко в усадище, в большом дворе или в близлежащих деревнях живут слуги и бобыли (которые, по всей вероятности, обрабатывают господскую пашню), расположены «людские дворы».¹⁵ Отдельной книгой 1578 г. был оформлен выдел поместья Афанасию Рязанову. В Рождественском погосте на Паше, в дер. Лаптево у помещика находилось усадище с господской пашней в 2 обжи. В усадище, кроме семьи помещика, жило 5 человек «Афанасьевых людей». В Рождественском погосте на Сяси, где также было поместье Афанасия Рязанова, в дер. Андронове у него было другое усадище с господской пашней в 2 обжи, «а в усадище люди Афанасия Рязанова Ондрюшка с товарищи».¹⁶

Труд крестьян тоже использовался на господских пашнях и сенокосах. В этом случае в больших дворах и усадищах отдельные книги отмечают наличие крестьянских дворов. На барщине, безусловно, использовался труд крестьян близлежащих деревень.¹⁷ Так, в 1576 г. в усадище Постника Хворощина господская пашня составляла 1.3 обжи — «пашут на помещика 1 1/3 обжи». Крестьяне Иванко Ефимов и Труфан Федотов, жившие на большом дворе, пахали на себя 0.7 обжи.¹⁸ Несомненно, эти крестьяне выполняли барщину на господской пашне. В 1578 г. барская запашка в усадище Постника Хворощина сократилась до 1 обжи, но число крестьян, живущих на большом дворе, возросло до трех человек. За истекшие 2 года в селе Змейском, где располагалось усадище, были вновь поставлены 3 двора (1 крестьянский и 2 непашенных бобылей).¹⁹ Есть все основания считать, что крестьяне и бобыли эксплуатировались на барщине.

У помещика Непогоды Матвеева с. Обернибесова в сельце Мыслово находился большой двор. Господской пашни за ним числилось 1.5 обжи. Здесь же в сельце было 9 крестьянских дворов и 2 двора непашенных бобылей, трудом которых, без сомнения, пользовался для обработки своих пашен феодал.²⁰

Особую значимость рассматриваемые источники приобретают при изучении судеб своеземцев. Отдельные, обыскные и отписные книги позволяют выяснить причины исчезновения к началу 80-х гг. XVI в. этой категории феодалов, проследить течение процесса. В 70-х гг. масса помещичьих деревень запустела и была передана либо новым помещикам, либо отписана на государя. Обыскные книги 1580 г. приводят целые списки запустевших помещичьих деревень, называя главной причиной запустения обнищание земцев в неурожайные и голодные 70-е гг. XVI в. Неурожай и голод приводили к обезлюдению крестьянских дворов в помещичьих деревнях. Сами земцы умирали от голода или эпидемий, уходили из своих деревень «безвестно» или «скитались меж дворами».²¹ В июне 1581 г. Юрий Самарин проводил обыск в Гедевичском погосте, «спрашивал и обыскивал» о поместье своеземцев Алексейка Сергеева и его

сына Гридьки в дер. Нюрбиничи в 0.5 обжи. Священник и волостные люди сообщили, что отец и сын умерли, а помещьем завладел в 1579 г. помещик Пятой Неплюев.²² Обыскные книги 1580 г. пестрят сведениями о массовой отписке на государя запустевших земцких поместий.²³

Отдельные, обыскные и отписные книги существенно расширяют сведения о крестьянском хозяйстве второй половины XVI в. — величине тяглых наделов, землепользовании, системах земледелия, засеваемых культурах и т. д. По данным отдельных книг 70-х гг., средняя величина дворового надела крестьян Обонежья составляла 2.5 чети в одном поле, или 3.7 дес. в трех полях. Писцовая книга 1583 г. показывает, что в начале 80-х гг. величина дворового надела почти не изменилась.

Крестьянское землепользование складывалось из полевой тяглой пашни и пашни отхожей, не учитывавшейся писцами. Пахотный надел был слишком мизерным, чтобы прокормить крестьянскую семью. Большую роль в хозяйствах играла подсека, которая сохранялась здесь вплоть до XX в. Писцовые книги 1563 г. содержат прямые указания на наличие подсек, а в отдельных, обыскных и отписных книгах 70-х гг. имеется большой материал об «отхожих пожнях в лесу, меж мхов и болот», «о лесе пашенном» и «пашенных островах» и т. д., где каждая крестьянская семья имела засеянные «нивы» или сенокосы.²⁴

Документы сообщают о методах хозяйствования крестьян в кризисные 70—80-е гг., позволяют проследить картину нарастающего запустения края. Кризисные явления в крестьянских хозяйствах, как и в помещичьих, находили выражение в практике неполных засевов наделных участков. Так, крестьяне одного из поместий Петровского погоста на Пшегже к 1576 г. частично засеяли только озимые поля, а «яровой хлеб не сеян».²⁵ Наблюдаются резкие колебания в фактически засеваемой крестьянами площади на 1 обжу не только в разных поместьях, но и в пределах одного владения. Колебания составляли от 1 до 10 четвертей ржи на 1 обжу.²⁶

В отдельных книгах есть сопоставимые данные, позволяющие проследить изменения величины посевов на 1 обжу крестьянской пашни в разные годы в пределах одного и того же поместья, в одних и тех же деревнях. В поместьях дьяка Андрея Клобукова в Антоньевском погосте на Волхове в момент передачи его в 1576 г. дьяку Постнику Хворощину крестьяне высевали на 1 обжу по 3—4 четверти ржи.²⁷ В 1578 г., когда часть поместья перешла к дьячку Илье Осееву, засев на 1 обжу возрос до 6—10 четей. Увеличился в 1578 г. посев на 1 обжу и в деревнях Постника Хворощина, составив от 5 до 10 четей на 1 обжу.²⁸ Данные разных лет о величине запашки, приходящейся на 1 живущую обжу, подтверждают высказанное положение о практике неполной запашки наделных участков. В дер. Жадово в 1576 г. при двух живущих обжах, четырех крестьянских дворах запашка в деревне составляла 8 четвер-

тей, закос сена — 40 копен. В 1578 г. в этой деревне при неизменном количестве живущих обож и дворов запашка возросла до 20 четвертей, а укос сена остался прежним. В 1606 г. число крестьянских дворов в деревне увеличилось до 11 (из них 3 бобыльских); при том же количестве обож пашня равнялась 10 четям, в перелог лежало 10 четей, сена косили 40 копен.²⁹ Аналогичная картина наблюдается и в других деревнях. Резкие колебания в засеве 1 обжи, в величине площади пахотных земель, несомненно, зависели от обеспеченности крестьян зерном. В наиболее трудные годы жилой участок засевался лишь частично. Неполный засев тяглого участка — очень характерная черта для крестьянского земледельческого хозяйства последних десятилетий XVI в.

Конец 60-х—70-е гг. XVI в. были в Обонежье на редкость неурожайными, сопровождавшимися голодом и моровыми поветриями. Обыскные книги 1580 г. свидетельствуют о тяжелых последствиях этих лет, когда «от поветрия и хлебного недорода», «голода» и «мора» 1567, 1568, 1570, 1578 гг. запустели многие деревни в пятине.³⁰ Писцовая книга 1583 г. выразительно дорисовывает картину прогрессирующего запустения.³¹

О размерах владельческих повинностей крестьян Обонежья во второй половине XVI в. мы знаем очень мало. Отдельные и отписные книги содержат материал, который позволяет в какой-то мере восполнить этот пробел, высказать суждения о структуре и величине феодальной ренты.

В отдельных и отписных книгах 70-х гг. удалось выявить материал по крестьянским повинностям в 25 поместьях. Крестьянские повинности отличались пестротой. Наряду с платежом посопным хлебом сохранялось издолье. Из 25 учтенных нами хозяйств в 4, т. е. в 16%, рента взималась пятым и четвертым снопом. Все эти поместья располагались в северных погостах Нагорной половины (Спасский на Шижне, Михайловский Тервиничский, Рождественский на Паше). Подобная форма ренты сохранялась в феодальных хозяйствах района и в последующий период. Так, в вотчине Александро-Свирского монастыря, находившейся в Пиркинском погосте, еще в XVIII в. брали с крестьян из хлеба пятый сноп на полевых и шестой на подсечных участках. Сохранение издолья в этом районе, очевидно, связано с резкими колебаниями урожаев на крестьянских наделах.

Преобладающей формой ренты была рента смешанного типа, когда оброк взимался посопным хлебом в сочетании с мелким доходом и деньгами — в 17 хозяйствах из 25, т. е. в 68%.

Непрерывной составной частью ренты была «денежная дань». Практиковался перевод мелкого дохода на деньги, а в некоторых поместьях существовали только денежные платежи, например в поместье Матрены Муратовской, жены Рязанова, расположенном в Никольском погосте в Ярославичах. Здесь доход взимался в 1576 г. и при прежнем владельце только деньгами — с 1 обжи «рубль с четвертью за все про все, а с иных обож по тому ж».³²

Имеющийся материал о феодальной ренте позволяет произвести подсчет ее размера, определить колебания в величине ренты по поместьям, проследить изменения, происшедшие во владельческих платежах крестьян Обонежья во второй половине XVI в.

Данные отдельных и отписных книг могут быть использованы для характеристики расслоения крестьян. Писцовые книги 1583 г. для этой цели не пригодны, ибо в описании преобладают пустые деревни, что очень искажает картину.

Рассматриваемые источники дают возможность нагляднее представить функционирование сельской общины. В Обонежье во второй половине XVI в. черты черной волостной общины прослеживаются довольно отчетливо. В мирских выборных органах одновременно представляли крестьяне, принадлежавшие разным помещикам, и государственные крестьяне. Так, в Пашском погосте в 1576 г. староста Пятой Игнатьев и сотский Трушка Иванов были крестьянами князя Григория Рускиева, пятидесятский Никон Яковлев — крестьянином Колмова монастыря, а десятский Мелентий Федоров — крестьянином великого князя.³³ Волостные люди, привлекавшиеся к отделам, отписям и обыскам, также принадлежали разным помещикам, а также были и из государственных крестьян.³⁴

Отдельные, обыскные и отписные книги в сочетании с писцовыми книгами 1563 и 1583 гг. дают возможность проследить движение населения Обонежья, уточнить время начала запустения юга Обонежья, темпы сокращения населения, пути его миграции. Книги 70-х гг. XVI в. рисуют начальную картину запустения, а писцовое описание 1583 г. отразило резкое сокращение населения юга Обонежья.³⁵

Таким образом, отдельные, отписные и обыскные книги второй половины XVI в. являются ценными источниками, изучение которых приобретает большое значение при ограниченности источниковедческой базы по аграрной истории России этого периода.

¹ З и м и н А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1969; К о р е ц к и й В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970; Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1974; С к р ы н и к о в Р. Г. 1) Опричный террор. Л., 1969; 2) Россия после опричнины. Л., 1975; 3) Крепостничество и становление барщинной системы в России в XVI в. — Вопр. истории, 1976, № 1; О с ь м и н с к и й Т. И., Р о м а н о в с к и й В. М., Ш а п и р о А. Л. Новгородские обыскные книги второй половины XVI в. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., 1976, VII; Ш а п и р о А. Л. Барщина в России XVI в. — Вопр. истории, 1978, № 11.

² НПК; ПКОП, 1930.

³ С а м о к в а с о в Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1905—1909, т. I—II.

⁴ ЦГАДА, ф. 1209, № 16926, 16933.

⁵ Там же.

⁶ Там же, кн. 965, 976.

⁷ ПКОП, с. 220, 221, 248—253.

⁸ Размер обжи по отдельным и обыскным книгам 70—80-х гг. XVI в. равен 10 четвертям.

- ⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 16933, л. 275—280.
- ¹⁰ Там же, л. 1—9.
- ¹¹ Там же, л. 1.
- ¹² Там же, л. 265.
- ¹³ Там же, л. 375.
- ¹⁴ Шапиро А. Л. Барщина в России в XVI в., с. 43—45.
- ¹⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 16933, л. 7, 7 об., 23 об., 275.
- ¹⁶ Там же, л. 275, 277 об.
- ¹⁷ Там же, л. 43, 43 об.
- ¹⁸ Там же, л. 1 об.
- ¹⁹ Там же, л. 265.
- ²⁰ Там же, л. 21.
- ²¹ Там же, л. 365—365 об., 397, 397 об.
- ²² Там же, л. 348, 462 об.
- ²³ Там же, л. 364 об., 365, 397, 397 об.
- ²⁴ ПК ОП, с. 76, 78; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 16933, л. 36, 44, 110, 190, 193, 195, 195 об., 208, 236—238, 246, 349 об.
- ²⁵ Там же, л. 11 об.—13.
- ²⁶ Там же, л. 1—10, 189, 190, 194 об.—195 об., 262—265.
- ²⁷ Там же, л. 1—10.
- ²⁸ Там же, л. 262—265.
- ²⁹ Там же, л. 2, 262 об., 263, 352.
- ³⁰ Там же, л. 413—425 об.; Самоквасов Д. Я. Архивный материал..., т. II, ч. II, с. 296—302.
- ³¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 965.
- ³² Там же, л. 177.
- ³³ Там же, л. 25 об.
- ³⁴ Там же, л. 239.
- ³⁵ Осьминский Т. И., Романовский В. М., Шапиро А. Л. Новгородские обыскные книги второй половины XVI в.